

Первый в жизни укол

[Еще фото](#)

Автор (ы): А.А. Соколов, ветеринарный врач

Организация(и): Ветеринарная клиника Linnafauna, г. Нарва, Эстония

Журнал: [№5 - 2014](#)

Первый в своей жизни укол я сделал на практике после третьего курса. Нет, до этого нас учили делать инъекции коровам, мы для этого ездили на мясокомбинат, где нам выводили одну из коров, ожидающих в очереди на бойню, и два десятка будущих докторов набрасывались на беднягу со своими шприцами. Конечно, это может показаться жестоким, но на словах, к сожалению, не объяснишь, как и с какой силой следует вонзить иглу, учесть толщину коровьей кожи и при этом успеть увернуться от тяжелого копыта. На практике было другое, мне принесли на скотный двор маленького щенка, на него и так смотреть было жалко, а иглоочки у нас были, будь здоров, советские, их можно было в стенку забивать вместо гвоздя, чтобы полотенце повесить. Руки тряслись, щенок визжал, впечатлений для первого дня было достаточно.

Практику мы проходили с моим другом Серегой в чудном месте – поселок Будогощь – километров в 150 от Ленинграда. Дачное местечко, 7 озер, сосны, лес отличный. Кстати, там в 50-х гг. работал мой дед, и я встретил женщину, которая его помнила. Зарплату нам положили за ставку санитаря – 80 рублей, вполне приличные тогда были деньги. Но до зарплаты еще надо было дожить, а стипендия что-то быстро разошлась.

Однажды мы набрали на книжный магазин, в котором было довольно много книг по специальности и, поскольку никто из нас еще не знал, какую выберет стезю, набрали всего: от пушных зверей до водоплавающих. Большая часть книг сохранилась у меня до сих пор, среди них такой раритет как «Акушерство» Студенцова, написанное тогда, когда лошадь была основной тягловой силой. Поэтому все описание болезней основывалось в основном на этих теперь редких животных, а все остальные – коровы, свиньи, овцы и, тем более, собаки – рассматривались только в плане отличия от лошадей. Кошки тогда за животных просто не считались, поэтому после окончания института долгие годы я создавал сам для себя акушерство и гинекологию кошек, как, впрочем, и многое другое.

В общем, сложили мы с Сережей все, что у нас осталось, в одну жестянку и решили жить скромно. По очереди приносили с фермы флягу молока и брали в магазине батон за 13 копеек, правда, могли еще позволить себе обед за 40 копеек в железнодорожной столовой. Помню, когда я трескал макароны с котлетой, Серега произнес сакраментальную фразу: «Знаешь, когда наступит всемирный голод? Когда китайцы научатся есть ложками».

На работу ездили два раза в день – на утреннюю и вечернюю дойку. Это больше всего убивало – никакого свободного времени, с тоской думал: неужели это на всю жизнь. В

совхозе было несколько отделений, фельдшеры ушли в отпуск, и мы остались вместо них. В первый день, как полагается, моя фельдшерица устроила отвальную, налила мне 100 граммов спирта в литровый мерный стакан.

– Тебе разбавить?

– Обижаешь!

Весь остальной банкет проходил без меня. Смутно помню, как меня погрузили в заднюю кабину ДУКа. ДУК – это дезинфекционная установка Комарова на шасси ГАЗ-53, личный транспорт всякого уважающего себя сельского ветеринарного врача. Позади автомобильной кабины приделана фанерная будка, в которой возят всякий хлам: ведра, шланги, резиновые сапоги дезинфекторов. Помню, когда брел до нашего жилища (нас в интернате поселили), песни орал, что-то из битлов. Участковый Серегу вечером встретил, говорит: «Тот, который с тобой, пусть спит». Я и спал. Утром уже полдеревни знало, как мы оторвались.

На ферме большей частью мной руководили доярки. Кому что вколоть и в какой дозе. Если я пытался что-нибудь добавить от себя, меня тут же опускали на место: «Доктор приедет и сам скажет, что делать».

Доктором звали главного врача Владимира Ивановича, его никто по имени-отчеству не называл, просто «Доктор». Тогда мне казалось это высшей оценкой, и я мечтал, чтобы и меня когда-нибудь стали так называть. А что, называют! Больше того, здороваются на улице совсем незнакомые дети, это очень приятно. Сам помню, как в детстве не любил здороваться с чужими людьми, стеснялся. Значит, кое-чего в жизни добился.

Ферма была обыкновенная, хозяйство не из последних. Первое, что поразило – родившиеся незадолго до меня телята: двойня и тройня. Двойни приходилось видеть и позже, а тройню не довелось – очень редкое явление, к тому же, все живы остались, совсем маленькие, но живые. Работа была обыкновенная: обхожу стадо, доярки рассказывают, у кого что болит, иду в аптеку, набираю полные карманы антибиотиков, шприцы, лихо откалываю носики ампул ударом поршня шприца (теперь одноразовым так уж не получится). Скользя по навозу, добираюсь до своей жертвы, укол. Следующая!

Болезни самые банальные: маститы – последствия машинной дойки, метриты – воспаления матки, раны, редко пневмония. Что врезалось в память – первый абсцесс. Абсцесс – это нарыв, мешок с гноем литра два. Он висел на задней ноге чуть выше колена. Должно быть, ударилась о забор или копытом кто-то заехал. Коровы после зимнего стояния в стойлах, вырвавшись на пастбище, на свежую травку, носятся как мустанги. Тут вам и гематомы, и сбитые рога, и распоротое вымя. Абсцесс был хороший, увесистый. Притащил я ведро с марганцовкой, налил кружку Эсмарха (клизма такая), вымыл тряпочкой ногу, вздохнул, как перед погружением, крепче сжал скальпель и резанул. Под ноги плюхнулся белый, тягучий, как сметана, гной, показалось, что его было полведра. Я бы тут же опорожнил свой желудок, но молоко, выпитое с утра, уже успело всосаться. Ничего, надел перчатки, вставил шланг от кружки в разрез, промыл полость, напихал туда синтомициновой эмульсии и все. Еще несколько дней промывал рану, потом заросла, на пастбище быстро раны зарастают, солнышко все лечит. Позже много раз приходилось в этом убедиться, лишь бы дотянуть животное до весны, пойдет на пастбище – поправится.

Однажды вводил внутривенно кальций корове с метритом, помочь, как всегда, было некому, корова брыкалась и часть раствора ушла под кожу, а хлористый кальций, попав под кожу, вызывает ужасное воспаление. После этого случая я, выезжая на вызов, всегда беру с собой новокаин, чтобы сделать местную блокаду после внутривенного введения. Через неделю на шее развился ужасный флебит. Абсцесс занимал почти всю половину шеи. Когда я его вычистил, на поверхности осталась обнаженная яремная вена. Долго лечил рану разными мазями, даже составил собственную композицию из АСД и рыбьего жира – жутко вонючая вещь. Больше всего донимали мухи, они откладывают в рану яички, из которых выводятся прожорливые личинки, они жрут все подряд, но, в то же время, хорошо очищают раны. Когда рана очистилась, начал присыпать ее сухими порошками: ксероформом, трициллином. Зоотехники хотели отправить корову на бойню, но я не дал, ушла на пастбище, через месяц рана затянулась – не узнать.

Сейчас перечитываю, думаю, насколько мы ушли вперед всего-то за 30-40 лет, сын мой лихо устанавливает внутривенные канюли кошкам, капаем инфузором с грелочкой. А в 80-е гг. у меня было такое ноу-хау: берем пол-литровую бутылку, отступив сантиметр от доньшка, медленно сверлим в ней дырку, чтобы не расколоть, подбираем соответствующую пробочку, в горло вставляем резиновую пробку со стеклянной трубочкой, и прибор для внутривенных вливаний готов. Заткнув нижнюю пробку, наливаем раствор глюкозы или композицию с хлористым кальцием, затыкаем верхнюю пробку, на трубочку – шланг с иглой, и аппарат готов. По дороге не расплескаешь, и в коровнике пыль в раствор не летит. Перед употреблением переворачиваю вверх дном, вынимаю маленькую дыхательную пробочку, и раствор течет в вену. Можно еще и ляжку приделать, чтобы в руке не держать. Представляете, бывало, проворонишь стерилизатор, сгорят шприцы, стеклянные цилиндры отваливались от металлических частей – запаивали расплавленным свинцом. Тупые иглы точили на тонком бруске. Шедевром техники был аппарат Шилова. Когда первые одноразовые шприцы появились, иногда кипятили, некоторые даже выдерживали несколько кипячений, дорого было. Я думаю, современным молодым врачам не удастся пережить такой технический скачок.

